

УДК 111:316 (045)

*К.Н. Обухов***ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ Х. АРЕНДТ:
ПРОЦЕССЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

Рассматриваются способы существования субъекта в социальном пространстве в политической философии Х. Арендт. Выделяются основные механизмы осуществления деятельности в социальном пространстве. Акцентируется роль языка в мыслительной, политической и социальной деятельности субъекта. Проясняются возможные способы идентификации в процессе языковой деятельности субъекта поля социального. Обозначаются основные механизмы определения границ социального пространства в качестве политического пространства. Показывается, что социальное (политическое) пространство полиса, существует исключительно в границах определенного сообщества, базовыми принципами которого являются свобода в высказывании, непротиворечивость произносимых высказываний и ответственность перед сообществом за высказанное. Выявляется значимость «медиального» в производстве социальных отношений и сообществ. «Медиальное» выражается прежде всего в конституирующем социальность пространстве общего или совместного интереса, который и утверждает возможность существования социальной субъективности.

Ключевые слова: деятельность, идентичность, идентификация, социальная онтология, социальное пространство, субъект, субъективность.

Исчерпание эвристических возможностей исследования социального пространства с помощью внешних и объективных структур, находящихся свое предельное выражение в предъявлении «общества» как пространственно-географического образования, приводит к концентрации внимания исследователей на попытках выделения субъективности через обнаружение и схватывание движения или изменения внутри социального пространства. С этой точки зрения подвергается переосмыслению понятие «социальное действие», или «деятельность». Отправным в рассуждениях становится тезис о том, что факт существования действия не подлежит сомнению, однако его идентичность может быть установлена только с учетом контекста производства и взаимосвязи с объектами и производимыми субъектами. С этой точки зрения, субъективность всегда существует перформативно в ситуации «между» различными вариантами своей объективации (выраженных в производстве объектов, конфигураций объектов, конституировании субъекта или пространства их соотнесенности). Подобный взгляд на осуществление действия позволяет задать целостное существование социального, которое начинает самоструктурироваться исходя из своих внутренних потребностей и оснований. При этом субъективная деятельность, способная предъявлять смыслы социального, отождествляется с процессом мышления, предъявляемым в языке, или пониматься как деятельность мышления.

Американский философ Ханна Арендт попыталась построить описание социального пространства на основе выделения специфики человеческого или социального действия, через обращение к различным вариантам обозначения действия в античной и средневековой философии. Ключевым понятием для анализа становится конструкт «*vita activa*», состоящий из трех частей: труд (работа), создание (изготовление) и действие (поступки) [2. С. 14]. На основании каждого типа действия выстраивается свой специфический модус существования мира человеческого или социального. Вне зависимости от того, какой тип действия становится центральным для анализа и представления мира, активность не может быть рассмотрена в отрыве от своего источника и результата, или продукта: «импульс заложен в том самом начале, которое пришло в мир с нашим рождением и на которое мы отсылаемся тем, что сами по собственной инициативе начинаем что-то новое. В этом исходнейшем и наиболее общем смысле действовать и начинать нечто новое – одно и то же; всякий поступок прежде всего приводит нечто в движение, он акт в смысле латинского *agere* и он зачинает и вводит нечто в смысле греческого *ἄρχειν*. Поскольку всякий человек по причине своей рожденности есть *initium*, некое начало и пришелец в мире, люди могут брать на себя инициативу, становиться начинателями и приводить в движение новое» [2. С. 231]. То есть суть любой активности заключается в ее продуктивности, способности к созданию (и воссозданию в каждый конкретный момент) мира.

Таким образом, разворачивающаяся социальная деятельность теснейшим образом связывается со своими продуктами (объектами и субъектами мира) и не может существовать «вне мира». При

этом философом констатируется самоосновность деятельности. Причиной ее является сама деятельность, как первичный толчок, давший начало новому направлению движения, предъявляемому в постоянном «осаждении» или «проявлении» конкретных новых объектов и субъектов этого мира. Однако с точки зрения анализа действия, значение имеют не столько продукты, сколько направленность самого движения, которая может быть задана структурой «от» чего-то «к» чему-то. Возможность задать направление движения в этой структуре создает пространство свободы, как разворачивающейся субъективности. Но свобода реализуется всегда конкретным способом – в окружении определенных объектов, субъектов социального пространства и в определенное время. Соответственно движение существует в конкретных конфигурациях: от объекта/субъекта к субъекту/объекту, а интенциональность предстает как направленность к чему-либо.

Направленность любой активности указывает не только на то, что является ее целью, но и на исток, или источник, – на то, что представляет или несет в себе интенцию любой деятельности. Движение может брать свое начало из разных источников, обуславливающих человеческое существование и предъявляющих различные варианты мироустройства. Х. Аренд начинает свой анализ активности с «вещного», или «объектного», мира: «Объективность мира – его объектный и вещный характер – и человеческая обусловленность взаимно дополняют друг друга и тесно переплетены; поскольку человеческое существование обусловлено, оно нуждается в вещах, а вещи были бы грудой бессвязных предметов, не-миром, если бы каждая вещь отдельно и все они вместе не обуславливали собою человеческое существование» [2. С. 16]. Обусловленный характер человеческого существования приводит к тому, что первоначальный анализ действия базируется на производстве «вещей», как очевидных «объектов», в рамках которого может быть четко выделен «производящий» субъект. Однако вне субъективного «означивания» или использования ни «вещь/объект», ни «субъект» не могут существовать; иными словами, они являются следствием производящей активности как таковой и обуславливают друг друга. Действие полагает существование и связывает между собой два измерения мира: мира «внешних» объектов/субъектов и мира «внутреннего», или субъективного. Границы «внешнего» обозначают пространство социального как публичного пространства, без которого не может существовать человек.

С точки зрения разворачивания анализа социального пространства как политического или публичного пространства древнегреческого полиса, наибольшее значение для Х. Арендт приобретает третий тип активности в «*vita activa*», маркирующийся через понятие «действие», или «поступок». Являясь элементом публичного пространства, то есть пространства явленности на всеобщее обозрение «равных», действие, понятое как поступок полноправного гражданина полиса или субъекта, связывается с языковой деятельностью или речью: «Из родов деятельности, которые можно встретить во всех формах человеческого общежития, только две считались собственно политическими, а именно действие и речь, и только они полагают основание той “сфере дел человеческих”, как имел обыкновение говорить Платон, из которой было исключено всё принудительное или хотя бы просто утилитарное» [2. С. 35]. Иными словами, политическое «действие» (или социальный поступок) необходимо совпадает с речью и в отсутствии речи не может быть выделено или явлено в мир. Единственным основанием политической (социальной) деятельности становится свобода в выражении мысли, как предъявления своей, субъективной точки зрения в процессе говорения или вынесения «внутренних» мыслей посредством суждений во «внешний» мир.

Через слово, в процессе проговаривания действия, проявляется или обозначается субъект действия, вместе с его позицией и взглядом на этот мир. Внутреннее измерение субъекта, как мыслящего существа, в процессе формулирования суждения предъявляется вовне. Говорение, или речь, включает действие в существующее социальное пространство, предъявляет его. В языковой деятельности, или реализации субъективности, осуществляется производство субъектов и (проговариваемых) объектов социального пространства. При этом процессуальный характер говорения и действия приводит к следующей проблеме: «Оказывается, что язык, когда мы хотим использовать его как средство для описания Кто, отказывает и зависает в Что, так что мы в итоге самое большее обрисовываем характерные типы, т. е. что угодно только не личности, и собственно личное прячется за этими типами так решительно, что невольно начинаешь считать все характеры масками, которые мы надеваем чтобы уменьшить риск последнего прояснения в бытии друг с другом – словно подключая какой-то защитный слой для притупления обескураживающей однозначности бытия -вот-этим -и -ником –другим» [2. С. 237].

Иными словами, перформативный характер языка создает проблему для схватывания субъективности в процессе конституирования субъекта социального. Фактически субъект удваивается или раздваивается, существуя как субъект высказывающийся и субъект высказывания. Каждая попытка идентификации «кто» оборачивается отсылкой к «что». Искусственная фиксации действия или утрата взаимосвязи между различными вариантами измерения субъекта социального приводит к потере в объектах и субъектах высказывания свободы и субъективности. При этом субъект высказывающийся, увлекаемый процессом мышления, всегда необходимо продолжает свою речевую деятельность, то есть производство новых субъектов высказывания и объектов, тем самым удаляясь от возможной идентификации. Одновременно с этим Х. Аренд обращает внимание на следующее: «Многозначная и не поддающаяся именованию неопределенность, с какой кажет себя Кто, обуславливает неопределенность не только всякой политики, но и всех дел, совершаемых непосредственно в бытии людей друг с другом вне опосредующей, стабилизирующей и объективирующей среды вещного мира» [2. С. 238]. Процесс идентификации субъективности невозможно отделить от тех продуктов (субъектов высказывающихся, субъектов высказывания и объектов), которые производятся в процессе языковой/мыслительной активности. Именно в установлении своего соотношения с ними субъективность может сохраняться как конкретная субъективность, реализующаяся определенным вариантом в социальном пространстве здесь и сейчас.

Элементарный способ подобной идентификации – самоидентификация, осуществляемая в разговоре с самим собой. В анализе античной традиции разграничения политического и философского Х. Аренд обращает внимание на тот факт, что «самость – это единственная “персона”, с кем я не могу расстаться, с кем я неразрывно связан» [1. С. 165]. Иными словами, человек посредством языка и возможности разговора с самим собой существует в своеобразной конфигурации «двое-в-одном». Суть подобного существования заключается в том, что мышление – «это всегда диалог между теми двумя, которые и составляют мое я» [1. С. 164]. Мышление изначально предполагает социальную природу человека, то есть возможность его мышления только в ситуации «с» другими людьми.

Ввиду того, что субъективность принципиально неуловима в своем движении, мышление может быть «схвачено» только в осуществлении постоянной отсылки к высказывающемуся субъекту и его связи с субъектом высказывания, то есть связи и взаимообусловленности «внутреннего» и «внешнего». Подобная связь фактически предъясняется в определенном месте публичного пространства, как совпадение говорящего с самим собой или непротиворечивости его суждений. Именно в процессе вынесения суждения здесь-и-сейчас будет происходить соединение «внутреннего» и «внешнего» аспектов существования. Исходя из этого, в античном мире формулируется аксиома о противоречии, как «основном правиле мышления» (Там же). Субъективность (как мышление) существует виртуально в своем движении между различными состояниями субъекта социального, образующимися исходя из логики ее актуализации или осуществления той интенции, которая была положена в основу диалога/движения мысли. Публичное проявление позиции в социальном пространстве полиса задает возможные варианты объективации суждений и производства субъекта социального, тем самым он обозначает себя или «являет себя» в этом мире.

Таким образом, в каждом человеке необходимо заложена множественность (находящая свое минимальное выражение в диадичности) или плюральность, которая задает возможность совместного со-существования в пространстве полиса или пространстве различных проговариваемых точек зрения. Это же дает возможность обнаружить сходность «внутреннего» и «внешнего» аспектов существования мира: субъективного и объективного. Так как человек всегда взаимодействует с самим собой, то он способен выстраивать взаимодействие и с другими, как с самим собой. Более того: «сущность, с которой я слиян в одиночестве, сама по себе никогда не обретет ту же определенную и уникальную форму или отличие, которым другие люди наделяют меня, скорее, эта сущность останется всегда переменной и, в каком-то смысле, неопределенной» [1. С. 166]. Иными словами, вне множественности производимых объектов и субъектов (высказывания) внешнего мира человек не может существовать и идентифицировать себя в качестве социального субъекта; фактически он погружается в пространство виртуального, как неупорядоченного и не фиксируемого движения чистой субъективности, которая не подлежит актуализации.

Плюральность как основополагающее условие человеческого существования и поступка, для Х. Аренд выражается двояким образом: как однородность и как разность. Речь и действие предъясняют уникальность человеческого существования, заключающуюся в активном отличии себя от

других с помощью высказывания суждений своим особым способом здесь и сейчас. При этом общность языка, как определенного набора объективных структур/правил (и как следствие определенных «объектов»), и пространства действия, как пространства соприсутствия, служат основаниями для осуществления понимания, которое закладывается на уровне мышления, через изначально дуальную форму существования последнего. Речевое действие, связанное с конкретным субъектом социального, разворачивает свое движение в своеобразном пространстве «между», где мышление одного конкретного человека накладывается на ситуацию со-присутствия, или со-существования, с мышлением множества других людей в едином пространстве языка, что обеспечивает возможность «объективного» измерения. Подобная взаимообращенность способствует оформлению пространства «между», как пространства одновременно связывающего и разделяющего различные варианты движения субъективности или речевой деятельности. Каждый такой вариант движения подлежит идентификации через установление временной взаимосвязи между субъектом высказывающимся и субъектом высказывания, соотношенного с определенными объектами и субъектами мира. Это происходит в пространстве языка при формулировании частных суждений. Фиксация на различных аспектах деятельности (объективации, субъективации или установлении со-отнесенности) будет предьявлять различные варианты структурирования социального пространства или окружающего мира и будет предьявляться в различных типах высказывания или суждения.

Утверждение существования пространства «между» (как языкового пространства разворачивания со-в-местного с самим собой и другими мышления) находит свое выражение в категории «*interest*». Х. Аренд обращает внимание на то, что само пространство «*inter*» не определяется своим «объективным» составом; оно необходимо включает в себя движение субъективности (движение языка и мысли), которая производит объекты и сообщается «поверх их»: «Тем не менее это непроизвольно-добавочное обнаружение того, *кто* действует и говорит, входит настолько интегральной составной частью во всякое даже “объективнейшее” бытие-друг-с-другом, что объективное срединное пространство всякого взаимообщения вместе со всеми переплетающимися в нем интересами словно бы поросло и заглушено каким-то совершенно другим между, а именно системой связей, возникающих из самих поступков и слов, из живого действия и говорения, в каком люди непосредственно, поверх вещей, составляющих тот или иной предмет, обращаются друг к другу и взаимно увлекают друг друга» [2. С. 239]. Взаимообращенность и взаимоувлекаемость, как способность к разделению общего пространства и интереса или со-существования в-месте (общность разделяемого мышления в языке), дают возможность образованию многочисленных связей, которые и представляют социальный мир или являются «тканью межчеловеческих связей».

Каждый новый человек приходит в уже оформленное социальное пространство, содержащее в себе определенные конфигурации межчеловеческих связей: «ткань межчеловеческой связи предшествует всякому отдельному поступку и слову, так что и раскрытие нового пришельца через речь, и новое начало, полагаемое действием, это как бы нити, продеваемые в ранее уже сотканный узор и изменяющие сплетение так же, как они со своей стороны неповторимым образом воздействует на все жизненные нити, с какими приходят в соприкосновение внутри ткани» [2. С. 241]. Появление нового «пришельца» не бывает случайным, оно происходит в изначально уготованное «место» языкового (социального) пространства, исходя из которого становится возможным развитие нового варианта реализации субъективности в процессе совместного существования. Обретение статуса субъекта социального связано с осознанием ответственности за произносимые суждения или «место» и ту траекторию движения мысли, которая формируется при взаимодействии говорения (как потока субъективности или речи) и существующих «объективных» социальных структур (или структур языка).

Непрекращающееся движение (актуализация) мысли в языке, распадающееся на отдельные речевые акты и суждения, приводит к изменению конфигураций социальных «мест» или предьявляемого субъектом социального пространства, то есть необходимо вызывает переопределение субъекта высказывания. При этом Х. Аренд обращает внимание на то, что с точки зрения развития античных идей, сохранение мышления как такового, а вместе с ним и целостного субъекта социального (как непротиворечащего себе в высказываниях человека), задает возможность сохранения идентификации субъекта высказывающегося в движении, протекающем между различными объектами и субъектами внешнего мира, с которыми он контекстуально связывается, то есть разделяет общий смысл. Подобное движение никогда не заканчивается, как не может быть осуществлена и окончательная, вне пространственно-временная/контекстуальная, идентификация. Суть реализации активности – оформле-

ние истории жизни как таковой (т. е. развитие субъективности), раскрывающейся различными способами: «когда в итоге нити сплетены до конца, они дают опять же отчетливо узнаваемый узор или могут быть рассказаны как истории жизни» (Там же).

Несмотря на то, что история включает в себя «героев» или субъектов высказывания/действия, на ее основании невозможно окончательно зафиксировать производящего субъекта (осуществить полную актуализацию субъективности), – он присутствует лишь в качестве «следа», или неявленного источника активности, мышления как такового, предъявляемого множеством различных способов: «Так что хотя подлинной “продукцией” действия и речи являются истории, пригодные для рассказа, и хотя своими историческими чертами эта “продукция” обязана тому, что, действуя и говоря, люди раскрываются как лица и тем создают “героя”, о котором поведет речь история, сама эта история как бы лишена своего автора» [2. С. 242]. С этой точки зрения, объективированные истории, наряду с «вещным» миром, создают своеобразное «стабилизирующее» пространство социального взаимодействия, которое интегральным образом входит в структуру субъекта социального и тесно связывается с ним, но связывается подвижным образом, не лишая субъекта возможности свободного движения (выбора) во множестве историй социального пространства с множеством других субъектов. При этом плюральность (разность) и интегральность (связанность) социального пространства, как пространства «между», где реализуется социальная субъективность различными способами, задают границы существования и идентификации социального целого.

Таким образом, Х. Арендт, исходя из необходимости сохранения субъективности и смысла в границах социального, приходит к обозначению социального пространства через категорию «inter-est» или существования «между». При этом «inter-est» – категория, предъявляющая пространство связанности и различности одновременно, что определяет границы идентификации социального целого. Связанность достигается благодаря принадлежности к общим структурам определенного языка, позволяющим осуществляться мышлению и предъявлять действия. Языковые структуры находят свое крайнее воплощение в «овеществленных» словах/историях-объектах или пространственных границах (граница древнегреческого полиса – стена, на которой был начертан закон как основной социальный текст, организующий социальную жизнь). Подобная связанность существует до всякого отдельного субъекта и позволяет ему конституироваться через органичное включение в подвижную структуру «ткани межчеловеческих связей» как новому варианту развития субъективности. Каждый новый вариант развития субъективности изначально содержит в себе двойственность, задающую способность осуществления мышления только в ситуации со-присутствия с другим или другими. Уникальность или различия социального проявляются на уровне субъекта, в процессе формулирования им суждений здесь-и-сейчас, то есть свободного предъявления своего «внутреннего» взгляда на конкретные объекты во «внешний», разделяемый с другими, мир.

Социальный субъект в представленной схеме имеет сложную структуру «двое-в-одном». По сути она возникает из необходимости «соединения» в единое целое «внешнего» и «внутреннего» аспектов проявления субъективности: ее связанности в рамках социального пространства, позволяющего существовать мышлению, и различности во множестве способах предъявления мысли. С этой точки зрения, субъект социального – это своеобразная переменная, возникающая и наполняющаяся содержанием в момент взаимодействия внутриположенной субъективной свободы и внешних «объективных» социальных образований, приводимых в движение другими вариантами реализации субъективности. Идентификация подобного субъекта всегда временна, отсылает к со-причастности его мышления с мышлением других и может происходить только в социальном или публичном пространстве. При этом способы идентификации связываются со способностью субъекта нести ответственность за свои суждения/поступки (мысли, выраженные в языке) и могут разворачиваться по крайней мере двумя способами: как движение «во внутрь» (осуществление субъективации или виртуализации субъекта) и/или как движение «во вне» (осуществление объективации или актуализации субъекта).

Актуализация субъекта происходит при со-в-местности его мышления («внутренней» проекции «внешнего» мира) с мышлением других субъектов, что предъявляется в совмещении существования (или со-бытия) различных непротиворечивых высказываний или суждений в публичном пространстве. Виртуализация субъекта осуществляется при обнаружении противоречий в суждениях, когда мышление одного обнаруживает расхождение с мышлением многих, а проекция «внутреннего» мира не находит своего подтверждения «вовне». Одновременно с этим полная и исчерпывающая актуализация и виртуализация невозможны, так как в публичном пространстве никогда не заканчивается

производство суждений. Возможность свободной ответственности субъекта за свою позицию или направленность мысли создает ситуацию «схватывания» идентичности, как определенной линии в «ткани межчеловеческих связей» на конкретном временном промежутке. При попытке осуществления полной актуализации (или идентификации) возникает ситуация исчерпания смысла, то есть приведение субъективности и производимого субъекта к «вещи» или «овеществленной истории». При попытке полной виртуализации открывается множество рядоположенных смыслов, а идентификация становится невозможной или бессмысленной. В обоих случаях обнаруживаются пределы существования (смысла суждения) субъекта социального.

Таким образом, процесс идентификации субъекта или его движения никогда не останавливается, как не прекращается и производство различных идентичностей/суждений. Соблюдение правила «непротиворечивости суждений», высказывающихся в публичном пространстве, создает условие существования субъекта как развивающегося или движущегося целого, осуществляющего постоянную самоидентификацию и идентификацию социального целого в его различности и связанности, исходя из определенной точки социального пространства или в конкретном месте в конкретное время. Установление изначальной возможности человека начинать нечто новое по факту своего рождения, задает свободный выбор в направленности движения мысли, то есть выборе возможных границ и способов идентификации в пределах ответственности перед собой и полисом. Диадичная структура, возникающая на месте осуществления мышления в ситуации «между», позволяет представить целостное пространство социального действия как пространство деятельности мышления. При этом «между» становится конституирующим для социального пространства образованием, в рамках которого находит свое осуществление направленное движение субъективности. С этой точки зрения, «между» становится тем универсальным (и «пустым») местом, где «встречаются» однонаправленные варианты развития конкретных субъективностей. При этом «встреча», или со-бытие социального в пространстве «между», всегда субъективно (и со-общно) означиваются или имеют смысл (а значит и подлежит пространственно-временной идентификации и верификации), но смысл существует в заданных границах определенных субъектов (или со-общества) в определенное время.

* * *

1. Арндт Х. Философия и политика // История философии. Вып. 13. М.: ИФ РАН, 2008.
2. Арндт Х. VITA ACTIVA, или о деятельной жизни. СПб.: Алетейя, 2000.

Поступило в редакцию 05.10.15

K.N. Obukhov

PROCESSES OF IDENTIFICATION IN SOCIAL ENVIRONMENT IN H. ARENDT'S POLITICAL PHILOSOPHY

The paper discusses the modes of personal existence in public realm in H. Arendt's political philosophy. The author highlights the key mechanisms of activity in public realm. The role of a language in subject's intellectual, political and social activity is stressed. Possible methods of identification in the process of language activity of a public realm subject are explained. Key mechanisms of delimitation of public realm as political one are defined. The author shows that public (political) realm of a polis exists solely within the limits of a certain community, fundamental principles of which include freedom of expression, consistency of the statements to be spoken, and liability to the society for the statements spoken. The importance of "medial" in the construction of social relations and societies is revealed. "Medial" is expressed primarily through the sociality-constructing space of common or joint interest, which implies the possibility of social subjectivity existence.

Keywords: activity, identity, identification, social ontology, social space, subject, subjectivity.

Обухов Константин Николаевич,
старший преподаватель кафедры социологии
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 6)
E-mail: fagotfrosch@gmail.com

Obukhov K.N.,
senior lecturer at Department of sociology
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/6, Izhevsk, Russia, 462034
E-mail: fagotfrosch@gmail.com